

ПРАВИЛА ВЫЖИВАНИЯ В СЕЗОН САКУРЫ

ИУЛИАНА
ОЛЬШАНИКА

Иулиана Ольшаника

Правила выживания в сезон сакуры

<https://litres.ru/74174247>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аяка — студентка-биолог, убеждённая, что всему в мире есть научное объяснение. Она изучает только точные данные. Рен — популярный блогер, снимающий ролики о романтических признаниях под цветущей сакурой. Для него жизнь — череда красивых моментов и вирусных идей.

Их пути пересекаются в самый волшебный сезон — когда сакура окутывает японские парки розовой дымкой. Случайный порыв ветра разрывает пополам «счастливый амулет сакуры», который по легенде связывает судьбы тех, кто разделил его.

Девушка вооружается блокнотом, секундомером и пульсометром, готовясь научно зафиксировать все изменения.

Они запускают серию «экспериментов».

По мере того как лепестки сакуры опадают, а сезон подходит к концу, границы между научным подходом и искренними чувствами начинают размываться.

Что на самом деле повлияло на их сердца — древний амулет, магия цветущей сакуры или что-то гораздо более реальное?

Для всех, кто верит, что любовь — это не магия, а выбор.

Содержание

Посвящение	5
Плейлист	6
Пролог	7
Глава 1. Амулет на двоих	11
Глава 2. Эксперимент № 1: Пикник под сакурой	18
Глава 3. Эксперимент № 2: Фонарики сакуры	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иулиана Ольшаника

Правила выживания в сезон сакуры

Посвящение

Посвящается тем, кто умеет ждать,
Когда сакура только набирает цвет,
Кто в формуле видит не только стать,
А дыхание, что дарит нам рассвет.
Посвящается тем, кто не боится
Сомневаться, искать и ошибаться,
Кто в сердце, как в лаборатории, учится
Любовь и истину не разделять, а сочетаться.
Посвящается весне, что не кончается,
Пока есть тот, кто рядом в тишине,
И всем, кто в этой книге встречается
С собой — на отражённой глубине.

Плейлист

1. Sakura Sakura — Ikuko Harada
2. Spring — Joe Hisaishi
3. Aruarian Dance — Nujabes
4. Green — Hiroshi Yoshimura
5. Labyrinth — Mondo Grosso
6. Kaze no Naka no Shounen — Bonobos
7. Kashiwa Daisuke — Stella
8. Mermaid — Anzen Chitai
9. Hagupit — Ichiko Aoba
10. Sparkle — RADWIMPS
11. Asleep Among Endives — Ichiko Aoba

Пролог

В Японии говорят: если встретишь кого-то в сезон цветения сакуры — это неслучайно.

Аяка никогда не верила в приметы.

Она стояла на платформе станции Уэно, сжимая в руках блокнот и секундомер. Вокруг бурлила жизнь: туристы с фотоаппаратами, школьники в форменных юбках и брюках, влюблённые парочки, застывшие в ожидании кадра на фоне розовых облаков. Воздух был пропитан тонким ароматом цветущей сакуры, а ветер кружил лепестки, словно конфетти на празднике, которого никто не объявлял.

«Пик цветения: 3–7 дней, — мысленно повторила Аяка, сверяясь с записями. — Оптимальная температура: 18–20 °С. Влажность: 60–70 %. Факторы влияния: ветер, осадки, антропогенная нагрузка...»

Её проект о факторах цветения сакуры должен был стать безупречным образцом научного подхода. Никаких «может быть», никаких «наверное» — только данные, замеры, графики. Она даже составила сравнительную таблицу между количеством посетителей парка и скоростью опадения лепестков.

— Девушка! Осторожно!

Резкий окрик заставил её вздрогнуть. Она подняла голову как раз в тот момент, когда на неё обрушился водопад розо-

вых лепестков — кто-то за её спиной энергично встряхнул ветку сакуры.

— Простите! — раздался весёлый голос. — Я не хотел вас засыпать!

Перед ней стоял парень с профессиональной камерой на штативе. На нём была яркая футболка с принтом цветущей сакуры и бейдж с надписью «Рен — блогер любви». Он улыбался так широко, что, казалось, сам излучал солнечный свет.

— Ничего страшного, — Аяка стряхнула лепестки с блокнота. — Просто... будьте аккуратнее. Здесь ценные данные.

— Ценные данные? — Рен склонил голову набок. — О чём, если не секрет?

— О цветении сакуры. Научный проект.

— О, наука и романтика — идеальное сочетание! — он подмигнул. — Знаете, я как раз снимаю серию «100 способов признаться в любви под сакурой». Хотите поучаствовать в одном из роликов? Способ номер 15: «Признание среди лепестков»!

— Нет, спасибо, — Аяка сделала шаг в сторону. — У меня нет времени на...

Договорить она не успела. Порыв ветра вырвал из её рук блокнот, подхватил и понёс вдоль аллеи. Рен среагировал мгновенно: бросился за ним, ловко обогнул пару туристов, поймал тетрадь в сантиметре от лужи и вернулся, сияя от успеха.

— Вот, — он протянул блокнот. — Спасён для науки!

Аяка взяла тетрадь, чувствуя, как теплеют щёки.

— Спасибо.

— Всегда готов спасать научные труды, — Рен улыбнулся.

— Кстати, у меня есть идея. Что, если мы...

Он не закончил фразу. Взгляд его упал на что-то у её ног. Аяка тоже посмотрела вниз. Между ними, слегка помятый порывом ветра, лежал «счастливый амулет сакуры» — бумажное сердечко с надписью *«Любовь найдёт тебя в сезон сакуры»*. Амулет был разорван пополам.

— О, — Рен поднял одну половинку, покрутил в пальцах.

— Это знак.

— Это случайность, — машинально поправила Аяка. — Вероятность разрыва при воздействии воздушного потока...

— ...равна 100 %, если кто-то случайно на него наступит, — закончил он за неё. — Но по легенде, те, кто разделит амулет, обязательно влюбятся друг в друга до конца сезона цветения.

— Легенда не является научным фактом, — отрезала Аяка, но всё же подняла вторую половинку.

— Зато является отличным поводом для эксперимента, — Рен хитро прищурился. — Что, если мы проверим? Ты со своей наукой, я со своей романтикой. Пари: кто первый признается в любви или проявит явные признаки влюблённости — проигрывает. Проигравший выполняет желание победителя.

Аяка заколебалась. Всё внутри кричало: «*Это абсурд! Не связывайся!*» Но где-то глубоко, под слоями рациональности, шевельнулось любопытство: “А что если...”

— Хорошо, — она расправила плечи. — Но я буду фиксировать все данные: пульс, мимику, поведение. И если это сработает, я напишу научную статью «Влияние культурных артефактов на возникновение симпатии».

— Договорились, — Рен дружелюбно протянул руку. — Пусть победит сильнейший... или самый романтичный.

Когда их ладони соприкоснулись, с дерева над ними сорвался одинокий лепесток сакуры и плавно опустился прямо на страницу её блокнота, рядом с первой записью:

«Эксперимент № 1. Пари с блогером. Дата начала: [сегодня]».

Аяка посмотрела на лепесток, потом на Рена, который уже доставал телефон, чтобы снять первый кадр их необычного приключения.

«Всего лишь эксперимент, — убеждала она себя. — Чистый научный интерес».

Но где-то внутри, под слоем формул и гипотез, шевельнулось что-то новое. Что-то, что не поддавалось объяснению.

И это что-то пахло сакурой...

Глава 1. Амулет на двоих

Воздух был пропитан тонким, едва уловимым ароматом цветущей сакуры — таким лёгким, что он то растворялся в городском шуме, то снова пробивался сквозь запахи бензина, жареных булочек и горячего кофе. Парк утопал в розовой дымке лепестков: они кружились в воздухе, оседали на дорожках, прилипали к мокрым скамейкам после утреннего дождя и цеплялись за рукава прохожих. Казалось, будто весь мир надел полупрозрачное розовое покрывало — нежное, хрупкое и до обидного недолговечное.

Аяка торопливо шагала по тропинке, сверяясь с картой в телефоне. На экране дрожали координаты, а поверх них накладывались заметки: «дерево № 17 — юго-западный сектор», «тень от здания до 14:30», «ветер с востока, 3–4 м/с». Она машинально сверила это с данными метеостанции, которые скачала ещё утром. В голове привычно щёлкали расчёты: если ветер усилится, лепестки будут осыпаться быстрее; если температура поднимется ещё на полтора градуса, пик цветения закончится на день раньше. Для неё это не было поэзией — это была математика, упрямая и точная.

В потрёпанном блокноте уже красовались аккуратные столбцы цифр: температура (21,3 °C), влажность (68 %), количество цветков на ветке (примерно 120–130 на образец), диаметр кроны (около 4,5 м). Научный проект о факторах

цветения сакуры не ждал снисхождения: дедлайн был жёстким, а данные — беспощадными. Аяка знала: если она не соберёт достаточно статистики, грант могут не продлить, а это значило бы, что месяцы работы пойдут прахом.

Фестиваль ханами вокруг бурлил жизнью, словно нарочно противопоставляя себя её холодной сосредоточенности. Семьи расстилали пледы под ветвями, дети бегали, пытаясь поймать падающие лепестки, компании друзей поднимали бокалы с саке, смеялись и чокались, не замечая, как розовые лепестки прилипают к их волосам. Влюблённые парочки фотографировались на фоне розовых облаков, стараясь поймать тот самый идеальный кадр, где лепестки застывают в воздухе, будто время решило сделать паузу.

Аяка невольно засмотрелась на одну такую пару: девушка, смеясь, стряхивала лепестки с волос своего парня, а тот делал вид, что ужасно недоволен, но в глазах у него светилось счастье. На секунду Аяка задержала дыхание, пытаясь зафиксировать это ощущение — не цифры, не проценты, а что-то тёплое и неуловимое, что проскользнуло внутри и тут же спряталось за привычной бронёй логики.

«Сосредоточься, Аяка», — одёрнула она себя, крепче сжимая блокнот, и ускорила шаг. Кроссовки тихо шуршали по гравию, а в кармане куртки что-то звякнуло — это был секундомер, её верный спутник в мире, где каждая секунда имела значение.

У следующего дерева её ждал сюрприз. Прямо посреди

лужайки, в самом центре идеальной композиции из розовых ветвей, стоял парень с профессиональной камерой на штативе. Он жестикулировал, обращаясь к невидимой аудитории, и говорил так уверенно, будто весь парк был его личной студией.

— Итак, способ номер 47: признание в любви через танец под сакурой! Сейчас мой помощник покажет, как это делается...

Он огляделся в поисках добровольца, и его взгляд неожиданно встретился с глазами Аяки. На мгновение в парке будто стало тише — шум голосов, смех, даже шелест ветра на секунду отступили.

— О, идеально! — парень лучезарно улыбнулся, и в этой улыбке было столько энергии, что Аяка невольно вздрогнула. — Девушка в очках и с блокнотом, вы просто созданы для этого видео!

— Я не... — начала было Аяка, пытаясь подобрать слова, которые объяснили бы, что у неё нет времени, нет настроения и вообще она здесь по делу, но он уже подхватил её за локоть — не грубо, но решительно — и вложил в руку пульт управления камерой.

— Просто нажмите вот эту кнопку, когда я махну рукой. И, пожалуйста, не отвлекайтесь на свои записи — это очень важно для атмосферы!

Аяка сжала пульт, пытаясь собраться с мыслями. Пластик был гладким и чуть тёплым, будто камера успела нагреться

от солнца. Она посмотрела на экран, где мигала красная точка записи, потом на парня, который уже расставлял ноги в эффектной позе, и снова на свой блокнот. Цифры, графики, дедлайны — всё это вдруг показалось ей невероятно далёким, как будто она стояла на краю двух разных миров и не знала, в какой шагнуть.

— Я вообще-то занята. У меня научное исследование... — попыталась она снова, но голос прозвучал неуверенно, будто даже она сама не верила в свои слова.

— О, наука и романтика прекрасно сочетаются! — он подмигнул, и в этом подмигивании было столько беззаботности, что Аяка на секунду позавидовала этой лёгкости. — Смотрите, я сейчас покажу самый грациозный поклон сакуре в истории!

Пока Рен (как он сам себя называл, представившись между пасами и поклонами) изображал нечто среднее между танцем и гимнастикой, Аяка пыталась вспомнить, зачем она сюда пришла. Она смотрела на его движения — немного нелепые, но такие искренние, что даже её внутренний критик не мог удержаться от лёгкой улыбки. В какой-то момент она случайно задела карман куртки, и оттуда выпал «счастливый амулет сакуры», который она купила утром просто из любопытства. Это было бумажное сердечко с надписью «Любовь найдёт тебя в сезон сакуры» — дешёвое, милое и абсолютно несерьёзное. Оно упало прямо между ними и от порыва ветра разорвалось пополам: одна часть осталась у ног Аяки,

другая скользнула к Рену.

Рен замер в нелепой позе, одна нога всё ещё была поднята в воздух, руки застыли в драматичном жесте.

— Ой, — сказал он, опуская ногу и глядя на две половинки амулета.

— Вот чёрт, — одновременно с ним произнесла Аяка, наклоняясь, чтобы поднять свою часть. Пальцы дрогнули, когда она коснулась бумаги — она была тонкой, почти неведомой, и на ней всё ещё читались буквы, будто шепчущие что-то, чего Аяка не хотела слышать.

Они молча смотрели на две половинки у своих ног. Ветер снова подхватил несколько лепестков и закружил их вокруг, словно пытаясь склеить разорванное.

— Ну что ж, — Рен выпрямился, отряхивая джинсы, и протянул ей одну половину. — По легенде, те, кто разделит амулет, обязательно влюбятся друг в друга до конца сезона цветения.

— Это просто примета, — фыркнула Аяка, беря бумажку, но не смогла удержаться от того, чтобы не разгладить её на ладони. — Статистически недостоверная. Вероятность совпадения стремится к нулю.

— Значит, тебе нечего бояться, — он хитро прищурился, и в его глазах плясали искорки, как будто он уже видел, как эта история будет развиваться. — Предлагаю пари: кто первый признается в любви или проявит явные признаки влюблённости — проигрывает. Проигравший выполняет желание

победителя.

Аяка подняла бровь, чувствуя, как внутри просыпается азарт — не романтический, а исследовательский.

— И ты всерьёз думаешь, что я проиграю?

— А ты сомневаешься? — Рен широко улыбнулся, и эта улыбка была такой заразительной, что уголки губ Аяки сами собой дрогнули. — Канал «100 способов признаться в любви под сакурой» против научного скептицизма. Это будет эпично.

Аяка посмотрела на половинку амулета в своей руке, потом на его сияющее лицо, потом на часы. Секундная стрелка бежала по кругу, отсчитывая мгновения, которые можно было потратить на работу, на данные, на проект. Но вместо этого она достала блокнот, открыла чистую страницу и взяла ручку.

— Хорошо, — сказала она, и в её голосе прозвучала твёрдость, которая обычно появлялась, когда она формулировала гипотезу. — Но я буду фиксировать все данные: пульс, мимику, частоту сердечных сокращений. И если это срабатывает, я напишу научную статью «Влияние культурных артефактов на возникновение симпатии».

— Договорились, — Рен протянул руку, и на секунду Аяка замешкалась, не зная, что делать — пожать её, как при заключении сделки, или оставить всё как есть. Потом она всё-таки вложила свою ладонь в его. Его пальцы были тёплыми, чуть шершавыми, и пожатие было уверенным, но не да-

вящим. — Пусть победит сильнейший... или самый романтический.

Когда их ладони соприкоснулись, с дерева над ними сорвался одинокий лепесток сакуры. Он кружился в воздухе, медленно опускаясь, будто специально тянул время, чтобы дать этому моменту стать чем-то большим, чем просто случайностью. Лепесток плавно опустился прямо на страницу её блокнота, рядом с первой записью: «Эксперимент № 1. Пари с блогером. Дата начала: [сегодня]».

Аяка посмотрела на него — розовый, полупрозрачный, почти невесомый. Он лежал на бумаге, как крошечное доказательство того, что иногда жизнь подбрасывает тебе данные, которые не вписываются ни в одну таблицу.

Глава 2. Эксперимент № 1: Пикник под сакурой

Аяка проснулась от настойчивого писка будильника — короткого, резкого, безжалостного. Она потянулась к телефону, не открывая глаз, и нащупала экран. На нём мигало уведомление от Рена:

«Доброе утро, напарница по выживанию! Сегодня в 16:00 — Эксперимент № 1. Место: парк Уэно, под самым пышным деревом сакуры. Форма одежды: романтично-научная. P.S. Я принесу бенто.»

«Романтично-научная? Что это вообще значит?» — пробормотала Аяка, откладывая телефон и садясь на кровати. В комнате было прохладно, занавески слегка колыхались от утреннего ветра, а на подоконнике стояла чашка вчерашнего чая — она забыла её убрать. Аяка вздохнула, потерла глаза и посмотрела на блокнот, который лежал на тумбочке, раскрытый на странице с заголовком «Эксперимент № 1. Пари с блогером».

Она открыла его на чистой странице и начала методично записывать:

Цель: проверить влияние романтической обстановки на физиологические и поведенческие показатели испытуемых.

Гипотеза: отсутствие статистически значимой корреляции между обстановкой и возникновением симпатии.

Методы: замер пульса, фиксация невербальных сигналов, анализ химического состава пищи, наблюдение за речевыми паттернами.

Оборудование: секундомер, блокнот, пульсометр (настенные часы в парке), лупа (на всякий случай).

Закончив, она перечитала написанное и на секунду задумалась: а не слишком ли она всё усложняет? Но тут же отогнала эту мысль. Наука не терпит спешки и эмоций — она любит чёткость и структуру.

К четырём часам Аяка прибыла в парк Уэно. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тёплые оттенки, а тени от деревьев становились длиннее и мягче. Парк всё ещё был полон людей, но шум постепенно сменялся спокойной беседой, смехом и тихим шелестом листьев.

Рен уже ждал её под раскидистым деревом сакуры — он расстелил плед, разложил бенто-коробки и даже поставил маленький бумажный фонарик, который мягко светился в полумраке. Когда он увидел Аяку, его лицо озарилось такой искренней радостью, что она на мгновение замерла, не зная, как реагировать.

— О, пунктуальность — сестра таланта! — воскликнул Рен, вскакивая на ноги. — И ты даже оделась по дресс-коду!

Аяка одернула свитер с вышитыми веточками сакуры (единственная «романтическая» вещь в гардеробе) и постаралась скрыть лёгкое смущение за деловитостью.

— Начнём с замера базовых показателей, — деловито сказала она, доставая блокнот и ручку. — Пульс, дыхание, температура.

Рен закатил глаза, но в них не было раздражения — скорее весёлое смирение.

— Ладно, ладно, научный подход так научный подход. — Он послушно протянул руку, закатывая рукав. На запястье виднелась тонкая татуировка — ветка сакуры с одним падающим лепестком. Аяка на секунду задержала взгляд на ней, но тут же перевела его на свои пальцы.

Она прижала их к его запястью, включила секундомер и сосредоточенно считала удары. В тишине парка этот звук казался оглушительно громким, будто весь мир замер, чтобы послушать, как бьётся сердце Рена.

— 72 удара в минуту, — записала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Норма. Теперь ты мой замерь.

Когда его тёплые пальцы коснулись её запястья, Аяка на мгновение сбилась со счёта. Она почувствовала, как по коже пробежали мурашки, и поспешно отвернулась, делая вид, что что-то ищет в блокноте.

— 78, — пробормотала она, поспешно отдёргивая руку. — Тоже в норме.

Они уселись на плед. Рен торжественно открыл бенто-ко-

робочку, и по воздуху поплыл аромат горячего риса и копчёного лосося.

— Традиционное меню для пикника под сакурой, — объявил он. — Рис с лососем, онигири, маринованные овощи...

— И химический состав, — Аяка достала лупу и склонилась над едой, рассматривая зёрна риса так внимательно, будто пыталась разглядеть в них молекулярную структуру. — Так, рис — углеводы, лосось — белки и омега-3 жирные кислоты, овощи — клетчатка и витамины... Ничего, что могло бы вызвать всплеск гормонов любви.

Рен расхохотался — громко, искренне, запрокинув голову, и этот смех был таким заразительным, что уголки губ Аяки сами собой поползли вверх.

— Ты сейчас серьёзно анализируешь еду через лупу?

— Серьёзно, — невозмутимо ответила Аяка, хотя внутри у неё всё ещё дрожало от его смеха. — Наука требует жертв. И данных.

Она сделала пометку в блокноте: «Испытуемый смеётся часто, открыто, демонстрирует зубы. Признак расслабленности или попытки произвести впечатление?»

Они начали есть. Ветер шевелил ветви над головой, осыпая их розовыми лепестками. Аяка старалась сосредоточиться на записях, но невольно замечала, как солнечный свет играет в тёмных волосах Рена, как он аккуратно берёт палочками кусочек лосося, как морщится, пробуя маринованный имбирь.

— Что пишешь? — Рен наклонился к блокноту, и Аяка почувствовала запах его одеколона — свежий, с нотками цитруса и чего-то древесного.

Аяка поспешно захлопнула блокнот:

— Данные эксперимента.

— Дай посмотреть!

— Нет! Это конфиденциально.

Они потянулись к блокноту одновременно. Аяка потеряла равновесие и чуть не упала; Рен схватил её за руку, чтобы удержать. На мгновение они замерли — слишком близко, почти касаясь носами. В его глазах мелькнуло удивление, смешанное с чем-то ещё, чего Аяка не успела разобрать.

— Э-э... — Рен отпустил её так резко, что сам чуть не опрокинулся назад. — Так, следующий этап! Романтическая беседа!

Он достал из сумки маленькую книжку:

— «100 тем для душевного разговора». Тема № 17: «Если бы ты могла стать любым цветком, каким бы ты была?»

Аяка вздохнула:

— Саговником. Он существует 200 миллионов лет и пережил динозавров. Очень практичный выбор.

— Скучно, — Рен перевернул страницу. — Тема № 23: «Какой самый красивый закат ты видела?»

— В лаборатории, когда случайно смешала реагенты и получила реакцию с оранжево-розовым свечением.

Рен закрыл книжку:

— Ладно, без подсказок. Аяка, а что для тебя... красота?

Вопрос застал её врасплох. Она подняла глаза к ветвям сакуры над ними — лепестки кружились в воздухе, как крошечные розовые бабочки. Ветер доносил чей-то смех, шёпот, тихий звон колокольчика. И вдруг Аяка поняла, что не может ответить формулой или таблицей.

— Наверное... когда что-то необъяснимое вдруг обретает смысл, — медленно сказала она. — Как уравнение, которое долго не решалось, а потом — бац! — и всё сходится.

Рен смотрел на неё так внимательно, что Аяка почувствовала, как теплеют щёки. Она поспешно схватила блокнот:

— Пульс — 85. Рост на 7 ударов. Фиксирую.

— А улыбка? — тихо спросил Рен. — Её ты тоже фиксируешь?

Аяка открыла рот, чтобы ответить... но в этот момент огромный порыв ветра обрушил на них настоящий водопад лепестков. Они кружились в воздухе, падали на волосы, на плед, на бенто, оседали на страницах блокнота.

— Вау! — Рен запрокинул голову, ловя лепестки руками. — Это знак!

— Это метеорологическое явление, — машинально поправила Аяка, но не смогла сдержать улыбку, стряхивая лепестки с волос.

Она быстро записала в блокнот: «Неожиданный всплеск положительных эмоций при воздействии природного фактора. Требуется дополнительное исследование».

Рен достал телефон:

— Последний кадр для ролика! — Он встал, протянул ей руку. — Давай, вставай. Просто посмотри на меня и улыбнись. Как будто... как будто тебе правда хорошо.

Аяка помедлила, потом вложила ладонь в его руку. Лепестки кружились вокруг, Рен улыбался, камера снимала... и на секунду она забыла про пульс, про гипотезы, про пари. Она просто стояла там, под розовым небом, и чувствовала, как что-то внутри неё тихо щёлкает, словно одна из тех формул наконец-то нашла своё решение.

— Отлично, снято! — Рен выключил запись. — Что скажешь? Чувствуешь магию сакуры?

Аяка отпустила его руку и открыла блокнот:

— Предварительный вывод: наблюдались кратковременные отклонения от базового состояния. Причина: вероятно, сочетание эстетического воздействия, приятной компании и удачно выбранного бенто. Магия не подтверждена.

— Ещё не вечер, — подмигнул Рен. — У нас впереди 99 других способов.

Когда Аяка отпустила руку Рена и снова открыла блокнот, пальцы слегка подрагивали — и она старательно приписала это порыву ветра, а не тому, как близко только что стоял Рен.

— Предварительный вывод: наблюдались кратковременные отклонения от базового состояния, — проговорила она вслух, будто сама себя убеждая в том, что всё под контролем. — Причина: вероятно, сочетание эстетического воздей-

ствия, приятной компании и удачно выбранного бенто. Магия не подтверждена.

Рен не стал спорить. Вместо этого он сел обратно на плед, скрестил ноги и, чуть наклонив голову, посмотрел на неё с таким выражением, будто пытался разгадать какую-то особенно сложную, но безумно интересную загадку.

— Ещё не вечер, — подмигнул он. — У нас впереди 99 других способов.

Аяка хотела было ответить что-то строгое и научное, но слова застряли где-то в горле. Потому что в этот момент солнце скользнуло за лёгкое облако, и парк будто выдохнул, став на несколько тонов мягче, теплее, тише. Даже шум города, который обычно пробивался сквозь шелест листвы, вдруг отступил, оставив их вдвоём под этим розовым куполом ветвей.

Она села, подогнув ноги, и наконец позволила себе просто вдохнуть этот воздух — не для того, чтобы зафиксировать влажность или температуру, а чтобы почувствовать его. В нём смешивались запах свежей травы, сладковатый аромат сакуры и чуть пряный оттенок маринованных овощей из бенто.

— Знаешь, — тихо сказал Рен, не глядя на неё, а разглядывая, как свет ложится на лепестки, — я раньше снимал эти ролики как игру. «Способ номер такой-то», «лайфхак для влюблённых», «как покорить сердце за три минуты»... Всё ради просмотров, ради лайков. А теперь... — он запнулся,

будто сам удивился тому, что собирается сказать. — Теперь мне кажется, что я просто не замечал, как это всё выглядит на самом деле. Не как список пунктов, а как... момент.

Аяка покосилась на него. В его голосе не было привычной весёлой бравады — только лёгкая, почти незаметная уязвимость. И от этого ей вдруг стало не по себе, но не неприятно, а так, будто мир слегка сдвинулся, открывая вид на что-то, что она раньше не замечала.

— Момент — это просто отрезок времени, — машинально ответила она, но тут же прикусила язык. Это прозвучало слишком сухо, слишком по-учёному, как будто она пыталась спрятаться за определениями. — Прости, — добавила тише. — Просто... я не очень умею говорить о таких вещах.

— Ничего, — Рен улыбнулся, и привычная искра вернулась в его взгляд. — Зато ты умеешь замечать то, что другие пропускают. Например, сколько лепестков падает в минуту. Или какой оттенок у сакуры на закате.

Аяка невольно посмотрела вверх. Ветви сплетались над ними, образуя живой свод, сквозь который пробивались косые лучи солнца. Лепестки кружились в воздухе, то падая, то снова подхватываемые ветром, будто танцевали какой-то свой, никому не понятный танец.

— На закате сакура становится почти малиновой, — вдруг сказала она, сама не ожидая от себя такой откровенности. — Не розовой, а именно малиновой. Как будто в ней появляется что-то горячее, хотя она такая хрупкая.

Рен кивнул, будто услышал что-то очень важное.

— Вот видишь, — сказал он мягко. — Ты замечаешь красоту. Просто называешь её иначе.

Аяка открыла рот, чтобы снова возразить, но вместо этого закрыла его. И вместо записи в блокноте она просто посидела так ещё минуту, прислушиваясь к себе. Пульс всё ещё был чуть выше нормы, но теперь она не хотела его записывать. Ей хотелось просто запомнить это ощущение — как внутри что-то тихо шевелится, будто просыпается после долгого сна.

Ветер снова налетел, взметнув лепестки. Один из них упал прямо на страницу блокнота, рядом с её последними строками. Аяка осторожно подняла его и подержала на ладони — тонкий, полупрозрачный, почти невесомый.

— Знаешь, — сказала она, глядя на лепесток, а не на Рена, — я всю жизнь думала, что чувства — это что-то, что мешает. Что они искажают данные, сбивают с толку, заставляют ошибаться. А сейчас... сейчас мне кажется, что, может быть, они — тоже данные. Только другого рода.

Рен ничего не ответил сразу. Он просто смотрел на неё, и в его глазах не было ни насмешки, ни желания что-то доказать — только внимание, такое чистое и искреннее, что Аяка почувствовала, как по спине пробегает тёплая волна.

— Тогда давай запишем их, — наконец сказал он, чуть наклоняясь вперёд. — Но не в твой блокнот. Давай просто... запомним. Этот цвет, этот ветер, этот момент, когда сакура

горит, как закат.

Аяка кивнула. И впервые за весь день она закрыла блокнот. Не захлопнула резко, не спрятала в сумку, а просто закрыла, аккуратно, будто укладывала что-то хрупкое, чтобы не повредить.

Они доели бенто в тишине, но это была не неловкая тишина, а та, в которой не нужно было ничего объяснять. Рен рассказывал про самые нелепые просьбы подписчиков: кто-то просил снять, как он признаётся в любви статуе, кто-то — танцевать на крыше. Аяка смеялась, сначала сдержанно, потом всё свободнее, пока смех не стал звучать так же естественно, как шелест листьев.

Когда солнце окончательно опустилось к горизонту, парк начал медленно погружаться в сумерки. Фонари зажигались один за другим, отбрасывая мягкий жёлтый свет, который смешивался с последними розовыми отблесками на лепестках.

— Пора, — сказал Рен, складывая плед. — Завтра будет новый день. И новый способ.

Аяка встала, отряхивая свитер. В кармане что-то шуршало — она нащупала сложенную пополам половинку амулета. Достала её, посмотрела на надпись: «Любовь найдёт тебя в сезон сакуры». Раньше она воспринимала эти слова как милую, но бессмысленную фразу. Теперь же они вдруг показались ей не столько предсказанием, сколько приглашением.

— Спасибо, — неожиданно для себя сказала она, подни-

мая глаза на Рена. — За пикник. За... всё.

Он улыбнулся, но в этой улыбке было что-то новое — не озорство, а тепло, которое будто согревало изнутри.

— Тебе спасибо, — ответил он. — За то, что ты такая... настоящая. Даже с лупой и секундомером.

Они пошли по дорожке, оставляя за спиной розовое облако сакуры. Лепестки всё ещё падали, кружились в свете фонарей, прилипали к волосам и одежде. Аяка не стряхивала их. Пусть остаются. Пусть это будет её маленькая, незаметная память об этом дне.

Когда она добралась до дома, город уже зажёл свои огни. Она поставила сумку на пол, сняла свитер и только тогда заметила, что на рукаве всё ещё держится один лепесток. Осторожно сняла его, положила на подоконник рядом с чашкой, которую так и не убрала утром.

Потом достала блокнот. Открыла его на чистой странице. И вместо графиков и таблиц написала всего одну фразу:

«Сегодня я не искала ответы. Я просто позволила себе быть в моменте. И, кажется, это тоже наука — только дружная».

А под ней, чуть ниже, добавила:

«Эксперимент продолжается».

Глава 3. Эксперимент

№ 2: Фонарики сакуры

Следующие несколько дней Аяка старательно вела себя как обычно: посещала лекции, делала замеры цветения сакуры, анализировала данные. Она ходила по знакомым маршрутам, записывала температуру и влажность, считала лепестки на контрольных ветках, фиксировала скорость ветра — всё как раньше. Но теперь в этом ритме появилась новая, едва уловимая трещина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.